

Алексей Митрофанов
Пречистенка

Прогулки по старой Москве



Алексей Митрофанов

**Пречистенка. Прогулки
по старой Москве**

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Пречистенка. Прогулки по старой Москве / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908026-4

Очередная книга серии «Прогулки по старой Москве» посвящена самой роскошной улице нашего города — Пречистенке. И сегодня это один из самых популярных и дорогих районов Москвы, а в девятнадцатом столетии он и вовсе был суперэлитным, селилось в нем в основном дворянство, занимавшее целые особняки.

ISBN 978-5-44-908026-4

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Библиотека	6
Пушкин волхонский	13
Музейщик	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Пречистенка Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-8026-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Очередная книга серии «Прогулки по старой Москве» посвящена самой роскошной улице нашего города – Пречистенке. И сегодня это – один из самых популярных и дорогих районов Москвы, а в девятнадцатом столетии он и вовсе был суперэлитным, селилось в нем в основном дворянство, занимавшее целые особняки.

Названа же Пречистенка в честь знаменитой некогда иконы Пречистой Божией Матери. Находилась она в Новодевичьем монастыре, в сторону которого и была проложена улица.

В меньшей степени своим дворянским прошлым может похвастаться Остоженка. Здесь жили люди попроще – и купечество, и скромная интеллигенция. Зато уже в двадцатом веке под этой улицей пролегла первая ветка московского метро. В честь этого события улица долгое время называлась Метростроевской, однако же в 1980-е ей вернули старое название, данное в честь Остожья – поля, сплошь заставленного стогами сена.

А начнем мы нашу прогулку, разумеется, с Волхонки. Все ж таки плясать от печки, то есть от кремлевских стен – уже своего рода традиция. Итак, Волхонка. Своего названия не меняла с восемнадцатого века – как называли ее, бывшую Чертольскую, в честь здешнего знатного домовладельца М. Волконского, – так с тех пор и не трогали.

Ну а время от времени мы будем углубляться в переулки. Куда же без них?

Библиотека

Дом Пашкова или Пашков дом (Моховая улица, 3) построен в 1786 году предположительно по проекту архитектора В. Баженова.

Дом Пашкова – сочетание невероятное. Ну почему, действительно, Пашкова? Допустим, господин Пашков и вправду был первым владельцем дома. И что? Ведь после его смерти (кстати, тот Пашков владел домом совсем недолго) дворец принадлежал его наследникам (увы, совсем неинтересным для истории), затем здесь был Дворянский университетский пансион, Румянцевский музей, Библиотека Ленина (а ныне – РГБ). Но нет, запало все же – «дом Пашкова».

Может быть, просто фамилия красивая? Такая вся московская, шипящая и фырчащая – «Пашшшкоффф».

Судьба этого здания вполне самодостаточна. Оно прожило интереснейшую жизнь, которой, увы, сегодня предстоят новые испытания. Четыре линии метро, проходящие под дворцом, нисколько не способствуют его здоровью – как душевному, так и физическому. Да приводить его в порядок толком никто, похоже, не стремится.

Само происхождение дома Пашкова овеяно тайной. То ли Баженов его строил, то ли Казаков, то ли еще какой-нибудь московский архитектор. Большинство искусствоведов склонно полагать, что все-таки Баженов. Вроде бы дом Пашкова несколько напоминает так и не построенный дворец в Кремле, который проектировал известный архитектор и масон Василий Иванович Баженов. Кстати, именно благодаря масонству авторство и скрыто, полагают исследователи. Ни к чему было Пашкову афишировать заказ, который дан хоть и помилованному «императрикс Екатериной Алексеевной», но все же государственному преступнику.

Архивы же Пашкова, способные, вероятно, пролить свет на сию тайну, сгорели в пожаре 1812 года.

Новый дворец покорила сердца наивных москвичей. Из любви ко всему иностранному его моментально прозвали «московским палаццо». Многие, даже иностранцы, называли это здание одним из чудес мира. Герой чеховской «Палаты №6», доктор Андрей Ефимович, когда земляк-почтмейстер вывез его «развезаться» в Москву, осматривал баженовскую достопримечательность в одном ряду с Кремлем, храмом Христа Спасителя и Иверской часовней. А уже в двадцатом веке инженер Никитин (автор Останкинской башни) специально приходил к дому Пашкова, чтобы им полюбоваться.

Дом и вправду был необычен, а поначалу даже чересчур роскошен для Москвы. «Два входа ведут в дом. По ним вы достигаете верхних помещений и входите на просторную вышку в куполе дома, откуда открывается прелестнейший вид на всю Москву... Внизу два каменных бассейна, посреди которых находится фонтан... – писал Иоганн Рихтер в своем сочинении „Москва. Начертание“. – Сад и пруд кишат иноземными редкими птицами. Китайские гуси, разных пород попугаи, белые и пестрые павлины живут здесь на свободе, либо висят в дорогих клетках. Ради этих диковинок и прекрасного вида по воскресеньям и праздникам собирается здесь множество народа».

Вы видели когда-нибудь китайского гуся? А вот простой московский обыватель восемнадцатого века видел. Благодаря Петру Егоровичу Пашкову.

То был человек с более чем красивой родословной. Лейб-гвардеец, капитан-поручик, внук денщика самого Петра Великого, он имел среди прочих своих предков и высокопоставленного воеводу, и казачьего атамана, и даже верного соратника Лжедмитрия Второго. Вместе с этим сам Пашков был персонажем больше отрицательным, чем положительным. Его знали как богатого и не всегда чистого на руку откупщика, который постоянно с кем-нибудь судился

и, кроме того, он известен был как «отыскиватель беглых из вотчин обоюга пола людей и крестьян».

* * *

В 1812 году дом горел, но был восстановлен, в 1818 году на его крыше побывал прусский король. Фридрих Вильгельм III прибыл с двумя сыновьями в русскую первопрестольную столицу и пожелал, помимо всего прочего, обозреть откуда-нибудь панораму города. Выбор пал именно на этот объект. Генерал П. Киселев вспоминал: «Я провел их на Пашкову вышку – бельведер – в доме на Моховой, принадлежавшем тогда Пашкову, а ныне занимаемом Румянцевским музеем. Только что мы вылезли туда и окинули взглядом этот ряд погорелых улиц и домов, как к величайшему моему удивлению старый король, этот деревянный человек, как его называли, стал на колени, приказав и сыновьям сделать то же. Отдав Москве три земных поклона, он со слезами на глазах несколько раз повторил: „Вот она, наша спасительница“».

Вскоре Пашков дом опять пришел в упадок. «Новый путеводитель по Москве» писал в 1833 году: «Почтенный читатель! Не спешите ныне к сему дому, если не хотите, чтобы сердце ваше страдало: вы увидите тот же дом, тот же сад, но все в самом жалком состоянии. Огромный четырехэтажный дом, образец прекраснейшей архитектуры, ныне только что не развалины, окошки забиты досками, сад порос мохом и густой травой».

Прошло время, и дом приобрел Московский университет. Диковинки в виде золотых клеток не возобновили, но дом в чувство привели. По-прежнему прекрасный дворец стал меж тем отныне зданием утилитарным. Таким и пребывал до самой старости.

Разумеется, с Пашковым домом связано множество легенд. В первую очередь они, конечно же, касаются подземелий. (Почему-то москвичи всегда равнодушны именно к тому, что кроется под мостовыми и фундаментами. Недаром у нас самое красивое метро в мире.)

Не один писатель-беллетрист пугал своих читателей рассказами то про опричников Ивана Грозного, которые здесь расправлялись со своими недоброжелателями, то про каких-то выцветших от вечной темноты чекистов, не выходивших на поверхность вплоть со сталинских времен.

Хотя странные вещи здесь и вправду находили. Например, в начале девяностых годов прошлого столетия во дворе Пашкова дома прорвало трубу. Пока решали, чем откачать воду, она вдруг сама куда-то делась. Стали проверять асфальт и обнаружили глубокий белокаменный колодец, судя по всему, семнадцатого века.

* * *

А между тем в 1831 году в Санкт-Петербурге открылся новый музей – Румянцевский. Он представлял из себя книжную, рукописную, нумизматическую, этнографическую и прочие коллекции, собранные графом Н. Румянцевым и завещанные им казне. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали: «С 23-го ноября сего года Румянцевский Музеум открыт для публики на основании Высочайше утвержденного в 28 день мая 1831 года учреждения сего Музеума... в коем параграфе 2-м постановлено: каждый понедельник с 10-ти часов утра до 3-х пополудни Музеум открыт для всех, желающих осматривать оный. В прочие дни, кроме воскресных и праздничных, допускаются те посетители, кои намерены заниматься чтением и выписками в Музеуме, где могут они для сего оставаться – зимою с 10-ти часов утра до захождения солнечного, а летом с 10 часов утра до 8-ми часов вечера».

Граф Румянцев был фигурой знаменитой. Публицист А. В. Старчевский посвятил ему в 1846 году весьма объемную статью, в которой неустанно восхвалял этого деятеля. Статья так и называлась: «О заслугах Румянцева, оказанных отечественной истории»: «С юных лет Румянцев отличался кротостью, благородством души, светлым умом и необычайной понятливостью... В год восшествия на престол Екатерины II (1762) молодой Румянцев записан был

в военную службу. На 17 году (1770) он был уже адъютантом, а спустя два года (1772) пожалован в камер-юнкеры. Через два года после того он уехал за границу для окончания своего образования и пробыл там около пяти лет. Возвратившись в Отечество, он поступил на службу при дворе и пожалован в камергеры (1779). Вслед за тем он назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром при Германском сейме во Франкфурт-на-Майне.

Убедившись в неполноте своего образования, он с усердием приступил к изучению германской, французской и английской литератур. Находясь на одном месте целые пятнадцать лет, Румянцев обогатил свои сведения, в особенности в науках политических, исторических, филологии и библиографии. Ознакомившись с сокровищами, которые раскрыла перед его любознательным взором образованность главнейших европейских государств, он хорошо понял младенческое состояние наук в своем Отечестве. Тогда-то и родилась у него мысль – оказать соотечественникам услугу в этом отношении».

По прошествии тридцати лет музей вместе с библиотекой решили перевести в Москву. Тут-то и пришелся ко двору старый дворец Пашкова. Князь В. Голицын писал: «Еще с лета 1861 года здание начали приспособлять под музей; после нескольких ремонтов в нем постепенно были произведены большие переделки. Отдельные помещения превращены в залы... устроены каменные своды, деревянные перекрытия заменены железными, голландское отопление духовым (позже пароводяным)».

В. И. Соболевский, один из опытных библиотекарей, давал пространные советы: «Если бы я был главным начальником Московской библиотеки, то потребовал бы от лица, имеющего библиотеку в ближайшем заведении, прежде всего:

1. Организации полицейской части в таком виде, чтобы все хранящееся в библиотеке было цело и сохранено. Тут я разумею порядок в самом хранилище и механизм удовлетворения посетителей.

2. Книги каталогизировать так, чтобы при спросе какой-нибудь книги она была находима без потери времени.

3. Чтобы все книги библиотеки, кроме каталогов, имели такую шкапную опись, по которой можно было бы проверять все в натуре, и

4. Чтобы все экземпляры, замечательные или по изданию, или по внешности и даже по переплету, хранимы были с такой тщательностью, какой они заслуживают».

И заключал: «Для исполнения этих условий нужны опытность и немалая доза знания библиотечных работ и сверх того добросовестность и аккуратность.

Потом уже можно желать, чтобы замечательные издания и рукописи были описаны ученым образом. Это требование важно в высшей степени, но стремиться к его исполнению можно только, когда библиотека находится в совершенном порядке.

Вот мой взгляд на порядок, какого бы я желал Московской библиотеке, если бы она была в моем полном распоряжении. Для исполнения изложенных мною условий не годится новичок в библиотечных работах, будь это ученейший муж и самый серьезный любитель книги».

В наши дни эти советы кажутся банальными. Однако же в те времена библиотечные, а также и музейные традиции еще не были наработаны.

И спустя какой-то год музей опять открылся. При этом на его фронтоне появилась надпись: «От государственного канцлера графа Румянцева на благое просвещение». Та самая, которая была еще в Санкт-Петербурге.

Кстати, если сейчас и в музеях, и в библиотеках большую часть коллектива составляют женщины, то тогда в «Румянцевке» работали одни мужчины. Дамы имели право здесь работать только на правах «вольноотрующихся» – то есть без отпуска, без пенсии и за гораздо меньшую зарплату.

* * *

Как и полагает всякой знаменитости, Пашков дом довольно часто становился героем скандалов. Например, Иван Цветаев, основатель Музея изящных искусств на Волхонке, долгое время был директором располагавшегося там Румянцевского музея. Он приезжал в музей исполненный достоинства, с солидной тростью и довольно скучным выражением лица. Медленно и важно шел в свой кабинет. Швейцары низко кланялись директору.

Этот ученый муж даже и не догадывался, что под его носом процветает банальнейшее воровство – и сотрудники, и посетители таскают почем зря ценнейшие рукописи и другие редкости. Один из похитителей, поэт Петровский, даже попал в литературу. Велимир Хлебников так описывал похождения этого деятеля: «Неужели тот самый, который по Москве ходил в черной папахе, белый, как смерть, и нюхал по ночам в чайных кокаин? Три раза вешался, глотал яд, неприютный, бездомный, бродяга, похожий на ангела с волчьими зубами. Некогда московские художницы любили писать его тело. А теперь – воин в жупане цвета крови – молодец молодцом, с серебряной шашкой и черкеской. Его все знали и, пожалуй, боялись – опасный человек. Его зовут «кузнечик» – за большие, голодные, выпуклые глаза, живую речь, вдавленный нос. В свитке, перешитой из бурки, черной папахе... он был сомнительным человеком большого города и с законом не был в ладу.

Некогда подражал пророкам (вот мысль – занести пророка в большой город с метелями, – что будет делать?).

Он худой, белый как свеча, питался только черным хлебом и золотистым медом, да английский табак, большой чудака, в ссоре с обществом, искавший правды. Женщины-художницы писали много раз его голого, в те годы, когда он был красив.

Хромой друг, который звался чертом, три раза снимал его с петли. Это было вроде небесного закона: П. давливается, Ч. снимает.

Известно, что он трижды обежал золоченый, с тучами каменных духов храм Спасителя, прыгая громадными скачками по ступеням, преследуемый городовым за то, что выдрал из Румянцевского музея редкие оттиски живописи.

Любил таинственное и страшное. Врал безбожно и по всякому поводу».

А вскоре Александр Шварц, министр просвещения, уволил Цветаева с почетной должности директора. Иван Владимирович не мог успокоиться до самой смерти и, уже будучи безнадежно больным, называл основанный им Музей изящных искусств просто Музеем, а Румянцевский – «музеем, из которого меня выгнали».

Вышло так, что после революции Румянцевский музей возглавил Анатолий Виноградов – друг и ученик Ивана Владимировича. Понятно, что Ася Цветаева, сестра поэтессы Марины и дочь Ивана Владимировича, оставшись вообще без средств к существованию, пошла к нему проситься на службу. Но получила отказ. Виноградов сказал ей:

– Видите ли, сейчас у нас нет набора работников, штат полон. И мне кажется, работа библиотекаря вам вредна: у вас же сильная близорукость.

Марина Цветаева потом сетовала: «В бывшем Румянцевском Музее три наших библиотеки: деда: Александра Даниловича Мейна, матери: Марии Александровны Цветаевой, и отца: Ивана Владимировича Цветаева. Мы – Москву – задарили».

Бог, как говорится, шельму метит. В 1928 году товарищ Виноградов был и сам уволен. Причиной послужило то, что специальная проверка обнаружила среди работников подведомственного ему учреждения всего 23 большевика и с десяток комсомольцев. Это при том, что весь штат состоял из 327 человек. Зато бывших дворян насчитывалось целых 62 сотрудника.

Видимо, Виноградов не лукавил – на момент обращения Анастасии Цветаевой свеобразный «лимит» был превышен в разы.

Отказ, впрочем, погоды не сделал.

* * *

Конечно же, в Румянцевском музее появлялись не одни лишь интеллектуалы. По выходным, когда посещение «Румянцевки» было свободным, здесь с удовольствием собиралась самая что ни на есть разношерстная публика. Особенно ей нравилась картина А. Иванова «Явление Христа народу», купленная императором Александром II у потомков художника и сосланная, как тогда говорили, в «почетную ссылку» из столицы в Москву.

Илья Репин восторгался этим полотном и называл его «величайшим произведением целого света, гиганта, родившегося на Руси». Каждый свой приезд в Москву Илья Ефимович обязательно шел «на поклон» к своей любимой картине: «По воскресеньям перед нею толпа мужиков и только слышно: „Уж так живо! Так живо!“ И действительно, живая выразительность ее удивительна! И по своей идее близка она сердцу каждого русского. Тут изображен угнетенный народ, жаждущий слова свободы!»

Правда, уже после революции картину чуть-чуть обидели. Когда художник Павел Корин делал с нее копию, ему все тот же «Толя Виноградов» неожиданно велел переместиться в другое, значительно менее удобное место. Мотивации были на первый взгляд весьма пристойными – якобы первоначальное место художника располагалось рядом с лестницей, и бедный Корин мог в любой момент свалиться вниз. Конечно, Корину пришлось послушаться, и в результате копия вышла чуть хуже, чем могла бы.

А оригинал в конце концов обрел почет и уважение в самом главном музее русской живописи – «Третьяковке». Впрочем, еще до революции ее пытались разыскать в первую очередь в собрании Павла Михайловича Третьякова – казалось странным, что такое примечательное полотно может находиться в ином месте.

Экскурсоводы «Третьяковки» любят рассказывать об одном забавном случае. Однажды у картины задержалась парочка восторженных провинциалов. Они весьма подробно обсудили все детали полотна. Разобрались во всем – одно лишь было непонятно: где именно Христос является народу. В итоге одного из мужичков осенило:

- Видишь горы сзади?
- Вижу.
- То-то же. Значит, Урал.

Так получил народ «слово свободы», о котором вожделем художник Репин.

* * *

Самым же маститым из читателей библиотеки был Владимир Ильич Ленин. Первый визит состоялся еще в 1893 году. Ленин расписался в книге посетителей: «Владимир Ульянов». Затем вспомнил про конспирацию и приписал на всякий случай: «Помощник присяжного поверенного». Подумал и указал адрес: «Б. Бронная, д. Иванова, кв. 3». Никаким помощником поверенного Ильич на самом деле не был, да и жил в то время не на Бронной, а в Большом Палашевском переулке.

Бывал он здесь и в 1897 году. «Даже те три дня, на которые ему разрешено было остановиться в родной семье, в Москве, ухитрился использовать частично для занятий в Румянцевской библиотеке», – вспоминала его сестра Анна Ильинична.

Однако же образ старательного посетителя библиотек за Ильичем был закреплен на всю оставшуюся жизнь. Действовал он и после смерти – в 1925 году библиотека стала не Румянцевской, а Ленинской. И поэт В. Семернин тешил своих читателей:

Ступени,
ступени,
ступени —
как книги уложены в ряд...
Здесь часто просиживал Ленин

вечерние зори подряд.

Спору нет, Ленин был усидчивым читателем. Но предпочитал для этих целей свой уютный кабинет в Кремле.

* * *

В это же время собственно в библиотеке подвизались личности весьма оригинальные. Один из сотрудников, Н. И. Ильин, писал: «В отделении рукописей прочно и бесшумно сидел некий Г. П. Георгиевский, цепко державший в своих руках фактическую монополию на опубликование рукописных материалов из собраний музея. Подписанные его именем, не всегда грамотные публикации можно встретить в разных научных изданиях, журналах и сборниках на протяжении почти 40 лет. Георгиевский, как дракон, охранял доступ к неиспользованным рукописям музея от сторонних лиц. Большой знаток старинной церковной рукописи, он имел связи среди старообрядцев и оказывал им взаимные, конечно, услуги».

Вторил господину Ильину и библиограф М. К. Соколовский: «Во-первых, чиновничье мракобесие. Ему предлагают, например, рассмотреть лежащий в запечатанных ящиках архив коллекционера В. С. Арсеньева, а он отвечает, что пусть десять лет лежат дела в ящиках, и никому до этого дела нет. Во-вторых, крайне пристрастное отношение к занимавшимся. Кто в фаворе у него, тому все дозволяется. Кого он не жалует, тот должен часами ждать, пока гражданин Георгиевский соизволит прочесть тридцать писем какого-нибудь корреспондента. Никакой обязательности, никакой научной услуги. Вместо человека – какой-то архивный сухарь. Воображаю, какой нетерпимый, задорный тон принимает он теперь, когда в его рукописное отделение ходят работать молодые ученые, перед которыми он, конечно, разыгрывает роль архивного гранда и рукописного магната».

После революции библиотеку трясло, как, впрочем, и все государство. Кризис, надо заметить, начался еще в преддверии двадцатого столетия. Дарителей было довольно много, а пространство ограничено. В одном из отчетов было не без юмора отмечено: «Недалеко то время, когда всякое новое пожертвование будет для библиотеки не желанным даром, а тяжким бременем, ибо пожертвованным книгам придется за неимением помещения лежать в ящиках».

В 1913 году, когда все государство праздновало 300-летие Дома Романовых, музей чуть было не уничтожили. То есть, в проектах все выглядело довольно благобно. Главный музей Первопрестольной было решено сделать еще более главным. Оборудовать там новые разделы, от искусств весьма далекие – этнографический, сельскохозяйственный, военный, морской, земский и тому подобные. Иными словами, представить русскую жизнь во всей красе и величии.

В проекте указывалось: «Национальный Музей должен стремиться представить общую картину русской природы и культуры в их наиболее важных моментах и типических формах, и его основная задача будет не столько в специальной разработке отдельных областей знания, сколько именно в этой органической всесторонности изображения».

К счастью, этот «замечательный» проект реализован не был. Во-первых, потому, что за музей вступилась московская интеллигенция, во-вторых, просто из-за того, что руки не дошли. Музей всего лишь продолжал стонать от поступления новых экспонатов.

С 1918 года этот процесс усугубился. Многочисленные ценности, отнятые у «бывших», спешным образом распределялись по музеям и библиотекам. Доставалось и «Румянцевке». Народный комиссариат просвещения решил – оставить во дворце только библиотеку. Но на этом трудности не закончились – ведь посетителей стало гораздо больше: «В библиотеку пришел новый читатель, – рабочий, крестьянин, служащий – который страстно жаждал знаний. А библиотека, привыкшая к размеренной, монотонной жизни прошлых столетий, не успевала за жизнью. Еще не был введен контроль за выдачей книг. Были случаи, когда библиотекари

не могли ответить читателю, занята ли книга в этот момент или вообще ее нет в хранилище. Некому было обрабатывать новые поступления. Тогда и были созданы специализированные отделы – комплектования книжных фондов, обслуживания читателей, хранения, библиографический отдел».

Пашков дом как мог приспособлялся к новой жизни.

* * *

Неудивительно, что этот славный дом вошел в литературу. В первую очередь, в булгаковский роман «Мастер и Маргарита». Именно здесь его герои – выходцы, как говорится, с того света – прощались с Москвой: «На закате солнца высоко над городом на каменной террасе одного из самых красивых зданий в Москве, здания, построенного около полутора столетий назад, находились двое: Воланд и Азазелло. Они не были видны снизу, с улицы, так как их закрывала от ненужных взоров балюстрада с гипсовыми вазами и гипсовыми цветами. Но им город был виден почти до самых краев...

Воланд заговорил:

– Какой интересный город, не правда ли?

Азазелло шевельнулся и ответил почтительно:

– Мессир, мне больше нравится Рим!

– Да, это дело вкуса, – ответил Воланд».

У Булгакова вкус был. А потому неудивительно, что он устроил ритуал прощания именно здесь.

* * *

Нынче «Ленинская библиотека» переименована – называется она Российской государственной библиотекой и располагается рядышком с домом Пашкова, в здании, построенном для нее уже при советской власти.

Однако же многие горожане до сих пор зовут ее не «РГБ», а «Ленинкой». Так на Моховой улице в стоящих рядом зданиях увековечены два человека, жившие во времена, далекие от наших: Владимир Ильич Ульянов (Ленин) и Петр Егорович Пашков.

ПУШКИН ВОЛХОНСКИЙ

Доходный дом (Волхонка, 9) построен в 1880 году по проекту архитектора А. Никифорова.

Этот дом вошел в историю. Здесь снимали квартиры художники Илья Остроухов и Валентин Серов, актеры Александр Южин и Александр Ленский, а также Иван Яковлев, известный как создатель чувашской письменности.

Но главное даже не это. А то, что раньше здесь располагался домик, в котором проживал художник Василий Тропинин. Именно здесь он написал, пожалуй, самый известный портрет Пушкина.

Василий Андреевич не был человеком богемным. Мастерская его, по воспоминаниям, не бросалась в глаза «ни цветистостью занавесей, ни щеголеватым камином, ни мягкой мебелью, ни оправленными в серебро раковинами для сигарочного пепла...» Господствовали в ней тишина и простота, а единственной роскошью являлись произведения самого Тропинина, повешенные без рам на стенах. А чему удивляться, ведь художник 47 лет был крепостным, и неоткуда было взяться у него богемным замашкам. Зато с уважением к труду все обстояло замечательно.

Именно сюда к Тропинину незадолго до гибели, в 1827 году, приезжал Пушкин – чтобы позировать для портрета (и, кстати, заплатить весьма приличный гонорар – 350 рублей). Бог весть, почему он выбрал именно Тропинина. Возможно, именно из-за отсутствия псевдоаристократических замашек, от которых Александр Сергеевич наверняка успел устать в своем привычном обществе.

Поговаривают, что Тропинин, будучи масоном, увидел на мизинце Пушкина длиннющий и холеный ноготь. Среди масонов это что-то означало, и Тропинин, дабы показать, что понял все значение пушкинского мизинца, сделал некий тайный знак. На что поэт всего лишь погрозил ему пальцем.

Так это или нет – доподлинно никто не знает. В любом случае, портрет вышел на славу. О нем даже написал «Московский телеграф»: «Русский живописец Тропинин недавно окончил портрет Пушкина. Пушкин изображен в три четверти, в халате, сидящий подле столика. Сходство портрета с подлинником поразительное».

Сразу после смерти Пушкина портрет украли. Друг поэта Сергей Соболевский об этом писал: «Портрет Александр Сергеевич заказал Тропинину для меня и подарил мне его на память в золоченой великолепной раме.

Уезжая за границу, я оставил этот портрет одному приятелю, имевшему собственный дом.

Приятель давал его крепостному чьему-то маляру (не знаю имени маляра или имени его хозяина) для добывания копиями барышей... По возвращении моем из-за границы (где я провел 5 лет) оказалось:

1) Что приятель дом продал, а портрет и библиотеку... передал другому приятелю...

2) Но тут очутилось, что в великолепной рамке был уже не подлинный портрет, а скверная копия с ононого, которую я бросил в окно.

О том, кто дал зевака, Киреевский или Шевырев (те самые два приятеля – А.М.) – следы простыли.

Между тем подлинник нашелся у к. Оболенского, который купил его за 50 рублей у Бардина, известного плута и мошенника. Осталась у меня только уменьшенная копия, сделанная для меня Авдотьей Петровной Елагиною, для того, чтобы иметь возможность возить оную с собою за границей».

Портрет нашли только в 1850-х годах. Старенький Тропинин выбрался из мастерской, чтобы полюбоваться на находку: «И тут-то я в первый раз увидел собственной моей кисти портрет Пушкина после пропажи, и увидел его не без сильного волнения в разных отношениях: он напомнил мне часы, которые я провел глаз на глаз с великим нашим поэтом, напомнил мне мое молодое время, а между тем я чуть не плакал, видя, как портрет испорчен, как он растрескался и как пострадал, вероятно, валяясь где-нибудь в сыром чулане или сарае. Князь Оболенский просил меня подновить его, но я не согласился на это, говоря, что не смею трогать черты, положенные с натуры и притом молодою рукою, а если-де вам угодно, я его вычищу, и вычистил».

В наши дни портрет находится в музее Пушкина в Санкт-Петербурге. А на домике Тропинина – мемориальная доска.

* * *

Рядышком – еще одно довольно любопытное строение. Этот уютный двухэтажный домик с маленьким балкончиком построен был в 1811 году для полковника Н. Воейкова. От него сохранился герб с вензелем «W». Сохранился чудом – мало того, что устоял в 1878 году, когда, уже при новых владельцах, полностью поменяли фасадную часть, так еще и пережил весь советский период.

Кстати, здесь проживал знаменитый Сергей Трубецкой – один из предводителей декабрьского восстания, так и не явившийся на Сенатскую площадь. То ли предатель, то ли мудрый человек, вовремя просчитавший всю бессмысленность этого акта. Так или иначе, к смерти Трубецкого не приговорили, но на каторгу отправили. Освободился он лишь в возрасте 66 лет и поселился в Москве, на улице Остоженке.

Зато его жена вошла в историю в безукоризненном виде – она была в числе тех декабристских жен, которые отправились в Сибирь вслед за своими сосланными сужеными.

* * *

Кстати, существует убедительная версия по поводу того, где жил Тропинин. В соответствии с ней он писал знаменитый портрет именно в этом домике, на втором этаже.

Музейщик

Здание музея изящных искусств (Волхонка, 12) построено в 1912 году по проекту архитектора Р. Клейна.

Государственный музей изобразительных искусств – одно из популярных мест в среде любителей прекрасного. Они приходят сюда на очередную выставку и с одухотворенным видом приобщаются к искусству.

Менее эффектно выглядят туристы. Они заходят не на выставку, а на основную экспозицию и, в выражении своих чувств, могут щелкнуть пальцами или прицокнуть языком. Любитель сменных выставок себе такого не позволит.

Однако же и те, и эти посетители первоначально не брались в расчет. Иван Владимирович Цветаев, отец великой русской поэтессы, университетский профессор и основатель этого музея, старался вовсе не для них, а исключительно для небогатых студентов, которым не на что было поехать за рубеж знакомиться с античностью.

* * *

Детство Ивана Цветаева было не слишком счастливым. Родился он в 1847 году в селе Дроздово Шуйского уезда Владимирской губернии. Что в те времена, что сейчас – захолустье немислимое. В семье все время не хватало денег, отец – сельский священник – сам занимался домашним хозяйством, выращивал на огороде нехитрые овощи. Денег постоянно не хватало, жили впроголодь, а одевались как придется.

Мать умерла очень рано, и на руках у батюшки осталось четверо сыновей. Приходилось в одиночку поднимать их, выполнять одновременно и «мужскую», и «женскую» части домашней работы – о том, чтобы нанять прислугу, мечтать не приходилось. Детям не хватало родительского внимания, ласки.

Когда Ваня подросток, его отдали в Шуйское духовное училище. Но и там не было никакого намека на роскошь. По воспоминаниям одного выпускника мальчишки «ютились в задних избах или на кухнях мещан и причетников уездных городов, окруженные невероятной нищетой, не зная кроватей, они спали на полу вповалку, на лавках или на полотах без малейшего признака постельного белья... Еда была скудная, ели деревянными ложками из деревянной общей миски, в первом классе учились 60—70 человек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.